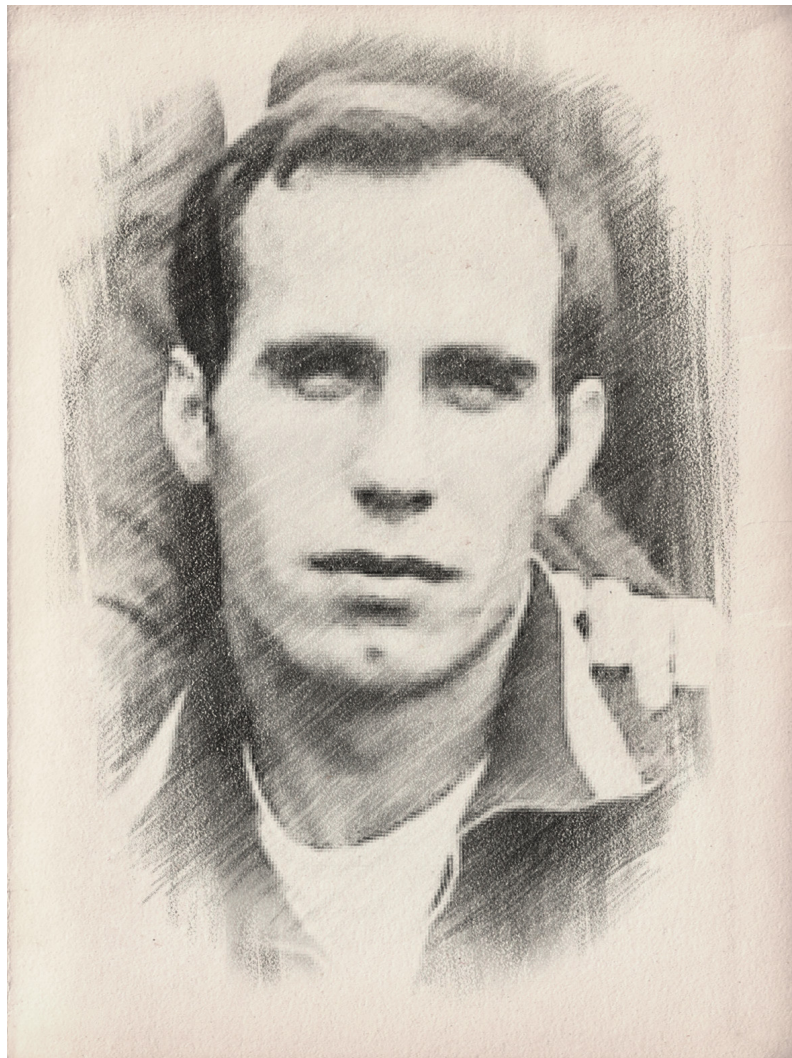

Юрий Булашкин

В толчее в день отъезда в пионерский лагерь трудно было понять куда идти и что делать. Моя мама хорошо знала вожатую моего отряда и поэтому успокаивала меня, в первый раз отправлявшегося в самостоятельный отдых. Мне первокласснику нетрудно было запомнить имя Зоя Юхманова, но вот запомнить имя стар-

шего вожатого почему-то не получалось. Какая-то у него была не запоминающаяся и смешная фамилия то ли Букашкин, то ли Бумажкин.

Обычным местом для отправления был стадион, брошенный и забытый строителями, навалившими вокруг горы земли, щебня и даже построившие стены кирпичного туалета. Но на этом как-то все и закончилось. Это было место наших каждодневных футбольных баталий. В укромных закутках между горами насыпанной земли горели наши костры, и свинец из отслуживших автомобильных аккумуляторов частенько разливался из жестяной консервной банки на палке по формочкам. Отливали все, что приходило в голову пистолеты, черепа, битки, свинчатки, кастеты.

Сотрудники НИИ ТП тоже жаловали это место здесь тренировалась их футбольная команда «Титан», здесь же проигравшая команда расплачивалась «красненьким» за свое поражение. Лавочки за бровкой поля были насиженными и практически родными.

И вот теперь на поле вывели восемь отрядов детишек, чтобы рассадив по автобусам увезти на отдых за город.

Из кучки взрослых отделился высокий молодой мужчина в защитного цвета брюках с офицерским ремнем и такой же рубашке. На шее его был повязан красный галстук, а на груди висела металлическая коробка серого цвета с ручкой и раструбом.

— Внимание! — сказал он в свою непонятную штуковину, и металлический голос, усиленный неведомой машиной, разнесся над стадионом — Лагерь, на линейку становись!

Наша вожатая засуетилась, стала нас подталкивать и расставлять по росту, стремясь вписать в большой квадрат восьми отрядов.

Я с интересом разглядывал мужчину в защитном костюме. Высокий. Темный волос гладко зачесан с пробором набок. Прическу дополняли щеголеватые баки. Шея по-армейски чисто выбрита. Глаза пронизательные и почти немигающие. Лицо прямоугольное, если б не выдающиеся косточки над втянутыми щеками. Что особо удивило, так это огромного размера плечи и узкая талия,

усиливающая общее впечатление. Он был похож на молотобойца или бойца без правил на отдыхе. Однако узкие губы его почти не меняли своей позиции, и создавалось впечатление, что понятие «улыбка» им незнакомо. Вожатые отрядов, подбегая к нему, быстро рапортовали о готовности, на что он небрежно реагировал, давая понять своим видом, что еще немало работы предстоит, так что не стоит вам тут задерживаться. В то же время перед линейкой старшие ребята практически не отходили от него, засыпая вопросами, делясь какими-то эмоциями. Он же при этом реагировал на все быстро, кратко, при этом ни один мускул на его лице даже не помышлял о том, что бы напрячься.

При этом старшем вожатом меня в первый раз вызвали на линейку поднимать флаг, уж не вспомню за какие достижения. С этим вожатым я стал «Командиром командиров», что означало высшую ступень в лагерной иерархии для смертных пионеров. Полномочия были предоставлены небывалые.

Помнится, за несколько дней перед отъездом из лагеря некоторые дети решили обзавестись сувенирами и без спросу через окошко залезли в кружки. Рассованные по чемоданам и сумкам мохнатые зайчики и лисята, чебурашки и ослики, обиженно вопрошали: «Почему нас забрали не те, которые шили?» Модели самолетов на подставках упирались консолями и стабилизаторами в картонные стенки чемоданов, протестуя своим видом против несправедливого решения об их приватизации неведомыми ранее владельцами.

Проблема не стояла в том, кто это сделал, проблема стояла в том, что с ними делать? Вариантов было немного выгнать из лагеря, сообщив на работу родителям, Понятное дело, в НИИТП об этом узнали бы все. Путь в «Звездочку» на последующие смены тоже был бы заказан, что для многих родителей превращалось в немалую проблему.

Родители же по тем временам не обременяли себя нынешними условностями в части защиты прав ребенка. Ремень, как средство воспитания недорослей, оставался наиболее востребованным и популярным.

И вот построив лагерь по тревоге, Юра представил всем этих ценителей достижений кружковской деятельности. Рядом с ним стоял начальник лагеря, который уже принял решение дежурный водитель прогрел двигатель санитарной машины, готовясь транспортировать криминальных героев в Москву.

— Вопрос в принципе решен — сказал Юра — Но это ваш лагерь и вы в нем хозяева, Принимайте решение сами. Как решите, так и будет. Воровать у товарищей позорно и недостойно. Важно не только наказать проступок, гораздо важнее предотвратить его в будущем.

Все мы командиры стояли во главе своих отрядов. Тринадцати - пятнадцатилетние мальчишки и девчонки, которым дали два часа времени на принятие решения. На наши плечи Юра возложил право казнить и миловать, рассчитывая, что в его лагере, в его дружине ребята воспитаны правильно, знают, что такое честь и совесть, но не забыли, что такое сострадание.

Одного из «залетчиков» я хорошо знал. Мы учились в одной школе, только он классом старше. Его кучерявая шевелюра вечно маячила в школьном коридоре, когда начиналась какая-нибудь потасовка или заварушка. Его мама, маленькая коренастая женщина, работала в НИИ ТП, а также подрабатывала, где только можно мыла полы в школе. Растила сына без отца, моля Бога, что бы наследник не пошел по его стопам, не пристрастился к «беленькой» и не кончил свой путь где-нибудь в подъезде фабричных домов. Судьба частенько сталкивала нас в разухабистых потасовках то на одной стороне, а то и на разных. И вот теперь предстояло сделать выбор.

Я собрал всех командиров на ступеньках гримерной у клуба, где жил Юра.

— А что вы меня ждете? Время пошло! — сказал он, включив электрокофейник — Вы командиры, я вам верю!

Мой взгляд, в котором были и просьба, и мольба Юра отрекошетил куда-то в сторону, и вкусно пахнув свежесваренным кофе, удалился за клуб.

На меня смотрело 7 пар ребячьих глаз. Видно было, что единого решения нет. Неподалеку на футбольном поле ожидали своей участи два вихрастых пацана.

— Почему? — был единственный вопрос, который требовал ответа. Всем, кто занимался в кружке, обычно разрешали взять сделанные ими игрушки домой. Конечно, что-то оставляли для выставки, но основную часть раздавали. Сами раздавали, не скаредничали!

В нашей школе поймали двух пацанов, промышлявших в раздевалке по карманам. Их не успели довести до кабинета директора, то есть довели, но уже разукрашенных фиолетовыми фонарями и разбитыми бровями, с мокнувшими свежими следами крови на раздутых губах и оттопыренными в разные стороны ушами. Был такой приемчик, назывался «за ушко, да на солнышко»! Так директор, даже милицию вызывать не стал, посчитал, что достаточно для понимания «что такое хорошо, и что такое плохо»!

А в моем доме, Вовка Гостев, душа компании, балагур, рассказчик.... Вместе гоняли в футбол, вместе строили горку.... Играл на гитаре и пел, прислонившись к калориферу на втором этаже в подъезде, нам мелким, отогреваясь от промозглой осени.... Спалился на том же, и ушел в специнтернат по малолетке! «А дайте ходу пароходу! А разверните паруса! А дайте мальчику свободу за красивые глаза!» — звучала в ушах его любимая песня.

— Короче, почему украли? — спросил я пацана, не поднимавшего глаза, теребившего велосипедную кепочку с пластиковым козырьком.

— Вот кружковод сказала..., что можно всем взять... — уныло и неискренне завел он свой псалом - Я думал...

Дальше совсем было не интересно.

— А ты что скажешь? — обратился я к знакомому мне вихрастому мальчишке, чьи волосы точно баранья шерсть круглыми завитками покрывали крепкую голову, не оставляя шансов даже самому прочному гребню их расчесать. Мыло банное и ножницы единственные предметы, которые могли влиять на его шевелюру.

Он никогда не просил пощады, не убегал от драки. Невысокий, крепко сбитый как его мать, он всегда махался до последнего, но горько плакал над разорванной рубашкой или штанами, потому что знал, что починить их он не сможет, а денег на новую одежду у матери нет.

— Я матери хотел подарок сделать. Она мягкие игрушки любит - хлюпая носом, ответил он, и было понятно, что в этот момент он жалеет не себя, а мать, которой придется вынести очередной удар, причиной которого опять стал он.

В это время Юра сидел с кем-то из взрослых на лавочке возле футбольного поля и, попивая кофе, редко поглядывал в нашу сторону.

— Кто хочет высказаться? — спросил я на правах старшего у своих товарищей. Мнения были разные от «казнить, нельзя помиловать», до прямо противоположного, но в основном было понятно, что брать окончательное решение на себя ни кто не хочет.

— Хорошо, тогда предлагаю... — начал я — совершенный проступок осудить, виновных наказать отправкой из пионерского лагеря...

В этот момент я увидел, что плечи моего знакомого как-то вдруг резко опустились и вся его детская душа, словно вышла из сжавшегося тела одним глубоким и тяжелым выдохом.

— ... с отсрочкой выполнения решения на два дня, до официального возвращения в Москву всего лагеря - закончил я начатую фразу.

Товарищи мои, не смотревшие в глаза, одновременно повернулись в мою сторону. Но я уже продолжал.

— Наказание считать решением пионерской дружины и Совета Командиров. На работу родителям о происшедшем не сообщать.

Совет командиров проголосовал единогласно.

Подошедшему Юре я рассказал о принятом решении.

— Ну, что ж, — сказал Юра, — теребя в руках электрокофейник, - в общем, я не сомневался, что вы найдете верное решение. С начальником я сам поговорю — и добавил — Свои же ребята.

С этих пор я не люблю судей.

В нашей местности лето стояло жаркое, а мелководная речушка Капанька была мало пригодна для культурного отдыха отдыхающих, наезжавших особенно в выходные дни в наши лесные кущи. Работники соседних пионерских лагерей и дачных участков с завистью взирали на наш бассейн и резвящуюся в его водах детвору. Частенько к нам навевались гости, желающие охладить разгоряченные тела в прохладной неге бассейна. С пониманием относясь к имеющейся у нас привилегии, наша администрация частенько разрешала вожатым и работникам «Дружбы» и «Щербаковца» в тихий час искупаться и позагорать на лежаках.

Другое дело, когда через забор на территорию бассейна перелезло человек пять молодых людей и девушка, вносивших диссонанс в ароматы лесных просторов явными нотками дешевого портвейна. Очевидность их помыслов уронить свои тела вместе с одеждой в бассейн, где купаются дети, как и их агрессия, были столь очевидны, что находившиеся здесь плаврук и вожатые-девушки даже не стали ни чего объяснять разудалой компании, а побежали за Юрой, который жил в клубе рядом с бассейном. Других мужчин в ближайшем обозрении не наблюдалось.

Старший вожатый появился как раз в тот момент, когда один из молодых людей уже готов был прыгнуть в пучину. Однако, одинокая фигура, направляющаяся к ним с намерениями, явно не философствовать, заставила их рассмотреть еще и возможность развлечься народной забавой «Пятеро против одного». Похоже, что эта перспектива их порадовала даже больше, чем возможность искупаться. Конечно, сейчас мы привыкли к фильмам со Стивеном Сигалом, который лихо молотит всем, чем придется нескончаемые банды Нью-Йорка и Чикаго. Но в те 70-е годы этих фильмов нам еще не показывали, поэтому, когда глазающие из-за забора бассейна пионеры увидели, как сложился пополам самый громкоговорящий молодчик, а следом рухнул самый размахивающий руками это впечатлило молодые сердца пионеров. Еще двое как-то быстро сникли, оказавшись на коленях, а последний, стал

подсаживать на забор размаленную девицу. Еще через минуту на территории бассейна ни кого постороннего не было.

Юра, в свое время служивший на флоте, возвращался с места битвы, не торопясь, как линкор, высоким носом разрезающий набегающие волны. Даже Гойко Митич, югославский актер, игравший в фильмах про индейцев заглавные роли, мог бы позавидовать фигуре старшего вожатого. Одно в них было несомненно схожим: «Это земля моего племени, бледнолицый! И я не позволю чужакам безнаказанно ее топтать. Хау — я все сказал!»

Юра всегда был перфекционистом. Его белая рубашка была всегда исключительной белизны, а брюки идеально отутюжены. Даже пионерский галстук, несколько раз на дню подвергающийся процедуре перевязывания, и тот был отутюжен при каждой новой процедуре. В комнате его пахло свежесваренным кофе и мужским лосьоном. Даже не стоит вспоминать, что туфли всегда были начищены, и по глянцу их носков можно было судить о тщательности произведенной в лагере уборке территории.

Когда случилась удивительная история, и в его руках взорвался самодельный заряд, Юра, вернувшись из больницы, некоторое время носил черную повязку на один глаз. Каждый вечер в его окне мы видели, как она сушилась после стирки в умывальнике. Потом он стал чередовать, какой глаз должен быть закрыт повязкой, а потом и вовсе убрал ее подальше.

Не удивительно, что выбрать себе женщину Юра мог только самую-самую. Такая женщина нашлась. Ее звали Изольда, и она была вожатая первого отряда, то есть моего. В отличие от остальных вожатых Изольда выделялась тем, что всегда была как бы чуть в стороне, чуть выше всего происходящего. Она отлично ладила с пионерами, при этом все прекрасно понимали, что она, ну как бы сказать, немножечко с другой планеты, немного инопланетянка.

В лагерь она приехала на собственных Жигулях, что тогда было в диковинку даже для большинства мужчин. Причем гоняла так, что неробкие мужики отказывались садиться к ней в машину во второй раз.

Она приехала с дочкой (пионеркой первого отряда) и пуделем.

Особыми талантами Изольда не отличалась, но вот когда назревал лагерный концерт, КВН или межлагерное мероприятие, ни у кого не было вопроса, кто это мероприятие будет вести. Как Светлана Жильцова была неременной спутницей Александра Маслякова в КВН, так Изольда была абсолютной королевой на сцене ККЗ «Лесная Тишина».

Однажды во время КВН с п/л «Щербаковец» ее попросили выполнить роль ведущей. Она вышла в брючном трикотажном костюме зеленого цвета, сразив всех мужчин обоих лагерей наповал. Мальчики видели ее во сне, а девчонки заламывали руки в желании хотя бы чуть-чуть быть на нее похожими.

Блондинка с короткой стрижкой, изящная, она была чрезвычайно эмоциональна на людях, но что скрывало ее сердце, не знал ни кто. Про таких женщин говорят, что в них есть шарм. Мы такого слова тогда не знали, но в пустом коридоре корпуса могли запросто определить, сколько минут назад здесь прошла Изольда.

Одним словом, лидер вожатского коллектива нашел общий язык с лидером женской половины. И пусть все в этой истории закончилось печально, нам пионерам причины того неведомы. Может характер женщины, может взрослая дочь, а может постоянно теряющийся пудель, которого предприимчивые кружководы приносили Юре из леса и обменивали на спирт. Важно другое Юра был перфекционист и женщину он выбрал лучшую. Любить, так королеву!

В районном пионерском штабе начальство ценило Юру, сравнивая разве что с самим Макаренко. Ему сулили блестящее педагогическое будущее, ну а он, закончил техникум, и руководство НИИ ТП назначило его начальником испытательного стенда, взяв обещание больше не ездить в п/л «Звездочка», не отвлекаться от серьезной народнохозяйственной задачи повышения обороноспособности нашей страны.

Изредка мы видели его на нашем стадионе в компании начальника лагеря с сумкой шампанского под скамейкой, накрытой газеткой с нехитрой снедью. Но, Юра, ты был первым в нашем

лагере, с кого брали пример мальчишки и на кого равнялись, и я в том числе. С Юрой в лагерь пришло немало людей, многие из которых уже отошли в лучший мир. С ним Юра создал коллектив, который нас воспитал, научил самостоятельности, и много еще чему хорошему. С этим миром в моем сознании ассоциируется п/л «Звездочка», понятие «вожатый» и понятие «мужчина». Не случайно на страничке электронной почты anashkino@mail.ru в качестве владельца указан Юрий Булашкин, старший вожатый, заложивший основы в воспитании многих, таких как я сорванцов с улицы.